Митяев А. Поиск длиною в жизнь // Знамя труда. – 2013. – 22 февраля (№16). – с. 2

ПОИСК ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Передо мной подшивка нашей газеты за 2006 год. В номере, посвященном очередной годовщине освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков, внимание привлекает публикация "Отцовская награда". Во время торжественного митинга в Сеще жителю поселка Анатолию Петровичу Завьялову передали орден Отечественной войны второй степени. Этой награды был удостоен его отец, лейтенант, командир роты Завьялов Петр Иванович. Удостоившийся, но не успевший получить: в ноябре 1943 года геройски погиб при форсировании белорусской реки Сож.

Фронтовой судьбой отца сын интересуется давно, с юношеских лет. До войны его родители жили в Подмосковье, в Можайске. Отец учительствовал (сам окончил семилетку), был активным участником движения за ликвидацию безграмотности (ликбез). Словом, один из типичных представителей советской интеллигенции довоенных лет.

В 1939 году Петр Завьялов был призван в армию, дома оставалась беременная жена. Вскоре, в том же году, на свет появился сын Анатолий.

Грянула Великая Отечественная. Отец, прошедший офицерские курсы, с действительной службы ушел на фронт.

Мать с маленьким сыном испытали, пусть и кратковременный, гнет немецкой оккупации. В ходе контрнаступления под Москвой их освободила Красная Армия.

А отец воевал. В составе 889-го полка 197-й стрелковой дивизии в должности командира роты освобождал от немецких оккупантов Брянск (район железнодорожного вокзала). А дальше... Дальше обратимся к документам, которые собирал Анатолий Петрович в поисках сведений об отце.

А начался поиск, пожалуй, с письма фронтового журналиста, корреспондента "Красноармейской газеты" Василия Ржанова. Анатолий Петрович до сих пор бережно хранит его в своем архиве. Вот что писал Василий Тимофеевич в 1957 году.

«Здравствуй, Анатолий! Прости, сынок, что так долго задержался с ответом на твое последнее письмо... Сегодня я счастлив выслать тебе и твоей маме, Нине Васильевне, записи из своего фронтового дневника о твоем папе – Петре Ивановиче Завьялове...

Теперь ты хоть немного будешь знать, каким замечательным человеком был твой отец. Ты можешь гордиться им и во всем подражать ему. Мне также хотелось, чтобы о твоем отце узнали и его товарищи, и твои молодые друзья, и Можайский горком КПСС, где он был принят в партию».

Так вот Василий Тимофеевич Ржанов был свидетелем подвига

лейтенанта Петра Завьялова. Во время форсирования нашими войсками реки Сож находился на командном пункте у деревни Хальч Веткинского района Гомельской области. Вот что он потом, в частности, писал во фронтовой газете. *«Здесь, в районе населенных пунктов Хальч, Старое село, Рудня и по высоткам, прилегающим к берегу, проходит северное крыло «Белорусского бастиона» (так назвали немцы город Гомель и все правобережье реки Сож, занимавшее особое место во всей системе их обороны на Полесском направлении)»*.

Далее военкор подробно пишет о том, что страшный бой кипел, что армейская рота лейтенанта Завьялова в результате ряда «дерзких атак» первой вступила в деревню Хальч и удерживала плацдарм. Увлекая за собой роту в очередную атаку, командир был сражен вражеской пулей. После боя его с почестями похоронили на окраине деревни Хальч 17 ноября 1943 года. У могилы поставили дубовый столб, «извещающий, что здесь покоится тело геройски погибшего командира 2-й отдельной армейской роты Петра Завьялова».

* * *

Мысль о том, чтобы пройти по фронтовым дорогам отца, побывать у его последнего приюта, все время преследовала сына. Но сначала надо было устроить свою судьбу. Анатолий окончил военно-медицинский факультет Горьковского мединститута, женился, обзавелся семьей. Не один десяток лет отдал морскому флоту. В 1961 году был участником испытаний атомной бомбы на Новой Земле. Другими словами, он из числа людей из подразделения особого риска. Показывая удостоверение, Анатолий Петрович полушутя-полусерьезно замечает: «Те испытания мы называли «Кузькина мать», которую Хрущев грозился показать империалистам».

Защитил кандидатскую диссертацию, имеет звание кандидата медицинских наук, работу над докторской прервали политические перемены в стране.

В отставку ушел в звании полковника с должности главного санитарного врача Балтийского флота.

* * *

Более двадцати лет назад семья Завьяловых переехала на Брянщину, поселилась в Сеще, в доме усадебного типа на улице Кирова.

Анатолий Петрович навел контакты с поисковыми отрядами Брянщины, а еще раньше – белорусской Гомельщины. В деревне Хальч он впервые побывал в 1983 году, познакомился с представителями местных властей, жителями.

На месте последнего боя отца он еще побывает трижды. Последний раз это было в 2010 году. Тяжело вспоминать об этой поездке Анатолию Петровичу.

– Была процедура эксгумации на месте предполагаемого захоронения отца. Да, без сомнения, советский офицер. Но он ли, Завьялов? Я добился того, чтобы в Минске провели генетическую экспертизу. Результаты ее оказались для меня неутешительными...

И Анатолий Петрович включился в дальнейшие поиски, новый импульс которым дало знакомство (правда, заочное) с белорусским журналистом, заместителем главного редактора районной газеты «Голос Ветковщины» Анатолием Казбековичем Бигайдаровым. Шесть лет назад тот опубликовал в своей «районке» очерки о судьбе лейтенанта Завьялова. «Буду писать еще, – сообщил Анатолий Казбекович в своем новогоднем письме в нашу редакцию. И продолжает: – Наверное, буду писать сызнова, потому что за эти годы много нового прояснил, додумал... Остроприключенческая история просматривается, правда, с пессимистическим, даже трагическим финалом... Казалось бы, ну что такое смерть одного человека, пусть и очень хорошего?.. Рядом с ним в том же бою погибли сотни... А за два месяца бездарно-бесплодных атак – на отрезке немецкой обороны в десять километров – десятки тысяч солдат и офицеров... Все они, а точнее, все, что от них осталось к весне 44-го года (после полчищ голодных волков, хищных птиц и весеннего наводнения), были захоронены в братских могилах. Фамилии вписывали позже, по полковым спискам безвозвратных потерь. А в списки не вносили тех, кого командиры, товарищи не могли с уверенностью опознать. Добрая треть бойцов после таких ожесточенных боев, как под деревней Хальч, навсегда оставались пропавшими без вести (трупы сразу же сносило течением или вдавливало в землю гусеницами танков). Трупы, своевременно не захороненные, за полгода превращались в жуть...»

Вот такая суровая правда войны, открывающаяся через десятилетия. Но и это еще не все. «Почему я занялся историей именно Завьялова? – продолжает Анатолий Казбекович. – Очень много непонятного и даже странного было в том форсировании. Что-то не стыковалось... По сводкам Совинформбюро, Ветка, Светиловичи (райцентры) освобождены в сентябре, а бои на территории обоих районов – соседей не прекращаются и в октябре, и в ноябре. Значит, наверху не знали истинного положения дел на ведущих фронтах. По существу операция «Багратион» треснула по швам уже в первые сутки ее реализации...»

Наверное, не все однозначно в суждениях белорусского коллеги. Из различных источников явствует, что операция «Багратион» – одна из лучших, которые провело в ходе войны советское командование. А вот со следующим вопросом, которым задается Анатолий Казбекович, трудно не согласиться. Почему командир роты («единственная, которая смогла под градом пуль, осколков, взрывов переправиться и удержаться на том берегу реки») награжден только орденом Отечественной войны второй степени? Хотя (опять же по документам из архива Анатолия Петровича) сам командующий фронтом Рокоссовский выразил роте лейтенанта Завьялова благодарность за «пробитую брешь в обороне противника».

* * *

Ответ (опять же - предположительный) на этот вопрос могут дать те же военные документы. Среди них приказ о назначении лейтенанта Петра Завьялова командиром 2-й отдельной штрафной роты 96-й стрелковой дивизии 11-й Армии. Приказ датирован 16 октября 1943 года. То есть после

освобождения Брянска и перед наступлением в Белоруссии.

Почему именно Петр Завьялов был назначен командиром «штрафников»? Ну, понятно, – офицер, лейтенант.

– А во-вторых, – рассуждает Анатолий Петрович, – вчерашний педагог, учитель, воспитатель. И еще он был политрук.

Согласимся, этот факт (штрафная рота) на многое проливает свет. В том числе и на уровень боевого поощрения... В одном оказались равны командир и его бойцы: в необходимости самопожертвования, в том, что обрели одну на всех могилу. Кстати, в ходе тех ноябрьских боев у деревни Хальч полегло семь тысяч советских воинов. В результате была обескровлена и прекратила свое существование и 2-я штрафная рота.

Да, сегодня мы немало знаем о штрафных подразделениях во время войны. Анатолий Петрович показал мне довольно внушительный список штрафных батальонов и штрафных рот. И на этой, небезразличной для него теме, познакомился (тоже заочно) с профессором Сорбонны Макаром Ивановичем Тониным. Так вот профессор занимается историей штрафников в годы Великой Отечественной войны и возвращает добрые имена солдатам и офицерам-штрафникам.

* * *

С 2006 года держит связь с белорусскими поисковиками Анатолий Петрович; Неоднократно бывал на местах сражений, в том числе у деревни Хальч Веткинского района, где геройски погиб его отец. Сейчас, по словам Анатолия Петровича, ничто не напоминает о былых сражениях, разве что заросшие травой окопчики в лесу. В Хальче современный совхоз – многоотраслевое хозяйство. Судя по фотографиям, которые показал Анатолий Петрович, на Гомельщине добротные асфальтированные дороги. И вообще, чувствуется ухоженность во всем.

Память о советском воине, лейтенанте Петре Завьялове, хранится в присожской деревне Хальч не только в надписи на могильной плите. Его именем названа одна из улиц деревни. «Не без инициативы журналиста Бигайдарова».

Отдавая должное белорусам в их благородных делах по увековечению памяти павших в боях с фашизмом, Анатолий Петрович считает невыполненным свой сыновний долг по установлению места захоронения своего отца. В своих поисках не одного десятилетия он «прошел» целую дюжину архивов. И намерен продолжать поиск.

А. Митяев.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА. Беседуя с *Анатолием Петровичем, слушая его рассказ, трудно оставаться равнодушным. Да, в тех кровопролитных боях погибли тысячи, но ЗАВЬЯЛОВ Петр – один. Пусть не оцененный по достоинству за свой подвиг, но он был воин, командир. У него была семья. Между прочим, в своем последнем фронтовом письме (как раз накануне Гомельского сражения) он писал, что может не вернуться из боя.*

Он сознательно шел в последнее сражение. Офицер, политрук, не удостоившийся даже полных сведений во фронтовых документах. Правда, в одной из справок Центрального Архива Министерства обороны, в частности, значится:

– в Красной Армии с 1939 г.;

– командир стрелковой роты 889-го стрелкового полка 197-й стрелковой дивизии.

И следующий пункт:

«– приказом ГУКНКО от 24.01.44 г. № 0180 командир 2-й отдельной штрафной роты ***(вот она, штрафная!)*** *исключен из состава офицерского состава – погиб 12.11.43 г., похоронен в г. Ветка Гомельской области».*

…«Вторично сообщаем, что личного дела на Завьялова П.И. на хранении в ЦАМО РФ нет».

И рекомендация: *для дополнительной проверки рекомендуем обратиться в Российский государственный военный архив».*

Справка наводит на размышление. В первую очередь хотя бы на то, что личного дела Завьялова П.И. на хранении в ЦАМО РФ нет.

В высшей степени странно. Есть масса документов о фронтовом пути лейтенанта Петра Завьялова и его подвиге на Соже (вплоть до благодарности командующего фронтом К. К. Рокоссовского), есть отзывы однополчан, а в Центральном Архиве этого почему-то нет.

– Все это печально и прискорбно, – говорит Анатолий Петрович. – Я за время поиска двенадцать архивов прошел. И везде различные ответы. Но я буду, буду искать отца!